

УДК 941371

СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ *MAGISTRATUS DESIGNATI*: К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ИЗБРАННЫХ МАГИСТРАТОВ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ*

Р.М. ФРОЛОВ*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова**e-mail: FrolovRM@yandex.ru*

В статье рассматривается вопрос о наличии у избранных древнеримских магистратов, еще не вступивших в должность (*magistratus designati*), защиты от судебного преследования. Аргументируется, что десигнаты, в отличие от действующих магистратов, не пользовались судебным иммунитетом. Следовательно, в этом отношении *designati* оставались на положении *privati*. Отмечается, что данный вывод может оказаться важным для исследования статуса *designatus* с точки зрения того, какими полномочиями магистратов могли обладать его носители. Данная проблема имеет важное значение для изучения правовых аспектов истории Римской Республики.

Ключевые слова: античный Рим, защита от судебного преследования, *magistratus*, *magistratus designati*, *privati*.

«Ne designati rostrum praetoris pedesque spectes».
Lucil. Sat. V. 233-234.

В республиканском Риме магистраты обладали определенной защитой от судебного преследования¹, хотя остается предметом дискуссии вопрос о том, насколько всеобъемлющей была такая защита, и на каких должностных лиц она распространялась на том или ином этапе истории Республики². Поскольку иммунитет могли получить именно вследствие занятия магистратуры, логично задать вопрос о том, обладали ли им также *magistratus designati* – те, кто уже был избран, но еще не вступил в должность.

Вопрос этот в историографии не был обойден вниманием, однако есть, по меньшей мере, два обстоятельства, которые побуждают вновь обратиться к нему.

Во-первых, на наш взгляд, недооцененным остается значение исследования судебного иммунитета десигнатов для уточнения их правового статуса в целом. Ведь если, например, выясняется, что *designati* обладали иммунитетом подобно магистратам, то это может трактоваться как аргумент в пользу того, что избранных должностных лиц формально нельзя назвать в полном смысле *privati*, и что они по своему правовому положению приближались к магистратам.

Во-вторых, аргументацию исследователей, специально занимавшихся этой проблемой, необходимо скорректировать с учетом следующих моментов. Поскольку не все действующие магистраты обладали иммунитетом, для вывода о том, что десигнаты не имели такой защиты, какой были наделены магистраты, могут быть приняты во внимание только аргументы, касающиеся лиц, избранных на должности, определенно предоставлявшие иммунитет (например, на консульскую). С другой стороны, вывод о возможности судебного преследования таких десигнатов хотя бы в рамках одного из процессов, по которым они после вступления в должность преследоваться не могли, уже вполне достаточен для заключения о том, что десигнаты находились в этом отношении на положении частных лиц, а не на положении магистратов.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (грант Президента РФ № МК-2810.2015.6); РГНФ (проект № 15-31-01205) и Министерства образования и науки РФ (проект № 91 в рамках базовой части государственного задания на НИР ЯрГУ).

¹ Далее для краткости мы часто называем ее «иммунитет» или «судебный иммунитет».

² См. об этом, в частности: Ryan F.X. *The Lex Scantinia and the Prosecution of Censors and Aediles* // *Classical Philology*. 1994. № 89. P. 159–162; Kunkel W. *Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik*. Zweiter Abschnitt: Die Magistratur. München, 1995. S. 259–265; Licandro O. *In magistratu damnari*. Ricerche sulla responsabilità dei magistrati romani durante l'esercizio delle funzioni. Torino, 1999.

Вопрос о судебном иммунитете десигнатов, прежде всего, нашел отражение в дискуссии между Эрнестом Уэйнрибом и Дэвидом Роем Шэклтоном Бэйли, развернувшейся на страницах журнала «Phoenix» в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в.

Шэклтон Бэйли рассматривал пассаж из третьей книги «Дигест» (Dig. III. 3. 54): «Павел в 50-й книге “Комментариев к эдикту”. Ни женщина, ни воин, ни тот, кому предстоит отсутствовать по делам государства, ни тот, кто страдает от хронической болезни, ни тот, кому предстоит занять должность магистрата, ни тот, кто не может быть принужден участвовать в процессе, не считается пригодным защитником»³.

На основании этого текста Шэклтон Бэйли сделал вывод о том, что «тот, кому предстоит занять должность магистрата» (*qui magistratum initurus est*), «обладал иммунитетом». По мнению исследователя, поскольку известно, что десигнаты все же могли быть обвинены в нарушениях при соискании магистратуры (*de ambitu*), то такое обвинение представляло собой «исключение из правила»⁴. Отметим, что, строго говоря, уже очевидно существенное различие между десигнатами и магистратами, поскольку первые могли быть обвинены *de ambitu*, было это исключением или нет. Но, может быть, десигнаты обладали иммунитетом хотя бы в части тех случаев, в которых частные лица им обычно не обладали? Есть основания для отрицательного ответа на этот вопрос.

Еще Йохан Мадвиг писал, что «ничто не препятствовало судебному преследованию десигнатов», тогда как магистраты обладали «определенной личной неприкосновенностью»⁵. Тем не менее, именно Уэйнриб (хотя на Мадвига он не ссылается) в полемике с Шэклтоном Бэйли впервые попытался подробно обосновать эту позицию. Исследователь в статье, посвященной вопросу о возможности судебного преследования магистратов, отмечал, что Павел в приведенном выше пассаже не говорит о том, что десигнат обладал иммунитетом, но только перечисляет тех, кто не могли выступать в качестве чьих-либо представителей (*defensores*) в гражданском процессе. Из слов Павла можно сделать вывод прямо противоположный тому, к которому пришел Шэклтон Бэйли: десигнаты как раз могли быть вызваны в суд, потому что Павел отделяет того, кто «*magistratum initurus est*», от того, кто «*inuitus iudicium pati non potest*»⁶.

Уэйнриб приводит также свидетельство Диона Кассия о предоставлении судебного иммунитета всем «будущим магистратам» (*future magistrates*) Тиберием в 31 г. н.э. (*Dio Cass. LVIII. 8. 3*)⁷. Исследователь и сам отмечает целый ряд трудностей в интерпретации этого эпизода⁸. Но, прежде всего, нужно обратить внимание на то, что здесь не идет речь о *magistratus designati* в строгом смысле: защита предоставлялась тем «кому предстояло управлять провинциями или выполнять какое-либо иное общественное поручение», а не «будущим магистратам».

Шэклтон Бэйли в ответе Уэйнрибу сделал попытку опровергнуть его доводы⁹. Ученый отметил, что перечисленные Павлом лица не могли быть *defensores* не «в силу тех или иных обстоятельств», как пишет Уэйнриб, но по единственной причине – они не могли быть ответчиками (*rei*). Иными словами, термин *defensor* употреблен Павлом вместо *reus*, что Шэклтон Бэйли демонстрирует ссылкой на фразу Ульпина из того же титула Дигест, что и отрывок из сочинения Павла (Dig. III. 3. 51. 1): «*defendere est eandem vicem quam reus subire*» («защищать значит следовать той же судьбе, что и ответчик»). Данный тезис нельзя принять, но к его обсуждению вернемся ниже.

³ «Paulus libro quinquagesimo ad edictum. Neque femina neque miles neque qui rei publicae causa afuturus est aut morbo perpetuo tenetur aut magistratum initurus est aut inuitus iudicium pati non potest, idoneus defensor intellegitur».

⁴ Shackleton Bailey D.R. Cicero's Letters to Atticus 2. Cambridge, 1965. P. 227, n. 51; цит. по: Weinrib E.J. The Prosecution of Roman Magistrates // Phoenix. 1968. № 22. P. 51.

⁵ Madvig J.N. Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staates. Leipzig, 1881. S. 350. Ср.: Willems P. Le droit public romain. Ed. 5. Louvain, 1883. P. 253-254.

⁶ Weinrib E.J. The Prosecution of Roman Magistrates... P. 51.

⁷ «(Тиберий) предоставил и другим, кому предстояло управлять провинциями или выполнить какое-либо иное общественное поручение, неприкосновенность в этот период от данного обвинения» («<...> καὶ τοῖς ἄλλοις τοῖς ἡγεμονεῦσιν τινῶν ἢ καὶ ἄλλο τι δημόσιον πράξειν μέλλουσιν ἄδειαν ἐν τῷ καιρῷ τούτῳ τῶν τοιοῦτων δικῶν ἔδωκε»).

⁸ Weinrib E.J. The Prosecution of Roman Magistrates... P. 52-53.

⁹ Shackleton Bailey D.R. The Prosecution of Roman Magistrates-Elect // Phoenix. 1970. № 24. P. 162-165.

Критикует Шэкльтон Бэйли и мысль Уэйнриба о том, что десигнаты могли быть призваны в суд именно потому, что Павел отделяет того, кто «magistratum initurus est», от того, кто «inuitus iudicium pati non potest». Если бы эти две категории действительно противопоставлялись, то пришлось бы признать, что и другие перечисленные группы лиц (например, женщины и воины) могли быть вызваны в суд, но это неверно, следовательно, категория «qui inuitus iudicium pati non potest» введена просто для того, чтобы учесть всех тех, кто не попал в ранее указанные группы.

В заключение Шэкльтон Бэйли приводит список известных случаев судебного преследования десигнатов; все они, как он считает, – примеры обвинений *de ambitu*. Исследователь признает, что простого отсутствия сведений об обвинении *designati* в других преступлениях недостаточно. Поэтому ученый ссылается на Плутарха (Plut. Cat. Min. 42), который повествует о предложении принять в сенате в 55 г. до н.э. постановление о вступлении следующих преторов в должность немедленно после избрания¹⁰. Некоторыми сенаторами было предложено принять решение о том, чтобы избранные преторы все же оставались частными лицами в течение 60 дней, т.е. могли бы в течение этого срока ответить перед судом в случае, если кто-то обвинит их *de ambitu* (Cic. Att. Q. fr. II. 7. (9)). Не вполне ясно, как именно эти свидетельства должны, по мысли исследователя, поддерживать его тезис о допустимости преследования десигнатов только по обвинениям *de ambitu*. Из них, кажется, следует только то, что и так не являлось предметом дискуссии: возможность обвинения избранных магистратов в незаконном соискании должностей и невозможность обвинить в этом же самом уже действующих магистратов. Вывод же Шэклтона Бэйли в его ответе на критику Уэйнриба остался прежним: по закону или по законам о *quaestio de ambitu* десигнаты могли преследоваться по данному обвинению, а по законам о других *quaestiones* – не могли.

Такой взгляд и ранее принимался рядом исследователей и оказывал существенное влияние на анализ ими более общих проблем, особенно событий политической борьбы в республиканском Риме¹¹. Сходной позиции придерживался Ричард Бауман. Рассматривая эпизод, когда был осужден Гортензий, избранный консулом на 108 г. до н.э., Бауман отмечает, что «консул-десигнат, возможно, имел ту же защиту от судебного преследования, что и консул или другой магистрат». Аргументируется это следующим: прежде всего, как считает Бауман, «ясно, что консул-десигнат был чем-то большим, чем просто *privatus*» (он уже давал клятву, его имя включалось в *fasti*, он мог издавать эдикты и т.д.)¹². Отметим, что даже если бы можно было признать наличие у десигната всех перечисленных прерогатив, отсюда еще нельзя было бы заключить (как это делает Бауман), что он должен был и в отношении наличия судебного иммунитета быть «чем-то большим, чем просто *privatus*», т.е. обладать иммунитетом. Исследователь, похоже, имел в виду здесь иммунитет десигнатов от всех видов обвинений, включая *de ambitu*¹³, что, конечно, невозможно принять. Но, может быть, следует признать наличие у них защиты в отдельных случаях? Бауман указывает на *lex Memmia* (до 113 г. до н.э.), который, по его мнению, защищал и тех, кто был уже магистратом, и тех, кто вскоре должен был занять магистратуру¹⁴. Здесь Бауман ссылается на Теодора Моммзена¹⁵.

Моммзен отмечает, что защитой от судебного преследования пользовались, в частности, те, кто находился на военной службе, или те, кто покидал Италию по государ-

¹⁰ Ibid.

¹¹ Например, еще Эдвард Сэмон в статье 1939 г. писал о попытках Цезаря избежать ситуации, при которой он становился бы на время *privatus* и был бы подвержен атакам оптиматов. Как только он стал бы *consul designatus*, то оказался бы в безопасности, поскольку, – пишет Сэмон, – избранный консул обладал иммунитетом и мог быть осужден только за электоральные злоупотребления (Salmon E.T. Caesar and the Consulship for 49 B.C. // The Classical Journal. 1939. № 34. P. 389). О том, что для Цезаря важно было дождаться именно вступления в консульство, а не просто избрания, см., напр.: Gagliardi L. Cesare, Pompeo e la lotta per le magistrature. Anni 52-50 a.C. Milano, 2011. P. 20-21.

¹² Bauman R.A. The abdication of “Collatinus” // Acta Classica. 1966. № 9. P. 130.

¹³ Бауман отмечает, что Гортензий мог быть осужден именно *de ambitu*. Его обвинению должен был предшествовать отказ от империи (магистратуры) и в том случае, если он был осужден после вступления в должность, и в том случае, если он был осужден, еще будучи десигнатом, потому что, подобно магистрату, десигнат не мог быть обвинен, пока не произошла абдикация империи (Bauman R.A. Op. cit. P. 130).

¹⁴ Bauman R.A. Op. cit. P. 130.

¹⁵ Mommsen Th. Römisches Strafrecht. Leipzig, 1899. S. 353, Anm. 2.

ственным делам. Ученый цитирует свидетельство Валерия Максима (Ш. 7. 9: «законом Меммия <...>, который запрещал принимать жалобы на тех, кто отсутствуют по государственному делу»)¹⁶ и Светония (Caes. 23: «добился, чтобы не был ответчиком, пока отсутствует по государственному делу»)¹⁷. Заметим, здесь не идет речь о десигнатах: в первом случае на защиту по закону Меммия претендовал действующий квестор (уже отправившийся в провинцию); во втором – говорится об успешном обращении Цезаря, готовившегося выполнять обязанности проконсула в Галлии, к плебейским трибунам с тем, чтобы они защитили его от вызова суд, пока он отсутствует по делам государства. То же самое замечание можно отнести и к двум приведенным Моммзеном пассажам из 48-й книги «Дигест»¹⁸. Примечательно здесь то, что сам Моммзен не приводит эти свидетельства там, где специально пишет о десигнатах (в работе «Römisches Staatsrecht»). Он вновь ничего не говорит о десигнатах и тогда, когда указывает на приведенное выше перечисление Павлом «непригодных» *defensores* (Dig. III. 3. 54pr.). Замечание Моммзена о том, что судебный иммунитет «распространялся также на тех, кто еще никуда не отправился, но уже имел обязательство отправиться» («erstreckt sich auch auf den noch Anwesenden, aber zum Abgehen Verpflichteten») относится, очевидно, не к категории «*qui magistratum initurus est*», а к другой группе лиц, названных Павлом в числе «непригодных» *defensores*, – «*qui rei publicae causa afuturus est*».

Возвращаясь к дискуссии Уэйнриба и Шэклтона Бэйли, нужно отметить, что первый, отвечая на критику последнего, привел, на наш взгляд, еще более убедительные аргументы в пользу своей концепции¹⁹. Прежде всего, Уэйнриб пишет, что в составленном Шэклтоном Бэйли перечне случаев преследования десигнатов по обвинению *de ambitu* тип обвинения в действительности не везде очевиден. Далее Уэйнриб концентрируется на критике рассуждений Шэклтона Бэйли, которые сводятся к тому, что если, согласно Ульпиану, «*defendere est eandem vicem quam reus subire*», то десигнаты не могли быть *defensores* именно потому, что не могли быть *rei*, а преследование *de ambitu* – единственное исключение из этого правила. Уэйнриб обращает внимание на то, что в составленном Павлом списке «непригодных» *defensores* среди прочих категорий упомянуты женщины и хронически больные. По логике Шэклтона Бэйли они также не могли быть *rei*, однако последний не приводит свидетельств о том, что хронически больные не могли быть ответчиками, а женщины, как известно, отвечали в *iudicia imperio continentia*. Кроме того, – добавляет Уэйнриб, – в Дигестах список непригодных *defensores* у Павла и список тех, кто не мог быть *rei* (Dig. II. 4. 2; см. ниже), у Ульпиана настолько различны, что нельзя заключить, что в них перечислены люди с тем же самым объемом ответственности (*identical liability*). У Ульпиана хронически больные, например, не упомянуты вообще, а из женщин отмечены только невесты, откуда следует, что все остальные могли быть вызваны в суд. Но тогда неверен тезис Шэклтона Бэйли о том, что в списке Павла в число тех, кто не мог быть *defensores*, включены те, кто не мог быть *rei*²⁰.

Уэйнриб обращает внимание также на контекст пассажа Павла о *defensores*. Павел приводит свой список там, где он обсуждает *causae liberales*, а *defensores* в рамках процесса по этим делам могли выступать не только от лица ответчика, но и от имени истца. Это делает данный пассаж иррелевантным обсуждаемой проблеме. Даже если бы перечис-

¹⁶ «*legis Memmiae <...>, quae eorum, qui rei publicae causa abessent, recipi nomina uetabat*».

¹⁷ «*obtinuit, cum rei publicae causa abesset, reus ne fieret*».

¹⁸ Dig. XLVIII. 2. 12pr.: «Венулей Сатурнин во 2-й книге “О публичных судах”. Следующих нельзя обвинять: легата императора, т.е. наместника провинции, <...>; также магистрата римского народа либо того, кто отсутствовал по государственным делам, если он отсутствовал не с целью уклонения от закона» («*Venuleius Saturninus libro secundo de iudiciis publicis. Hos accusare non licet: legatum imperatoris, id est praesidem provinciae, <...>; item magistratum populi Romani eumque, qui rei publicae causa afuerit, dum non <d>tractandae legis causa abest*»). Dig. XLVIII. 5. 16. 1: «Седьмой главой закона Юлия о прелюбодеяниях определено так: “Пусть никто не включает в список ответчиков того, кто будет на тот момент отсутствовать по государственным делам без уклонения (от закона)”» («*Legis Iuliae de adulteriis capite septimo ita cautetur: ‘ne quis inter reos referat eum, qui tum sine <d>tractatione rei publicae causa aberit’ <...>*»). Ср.: Cod. Iust. IX. 9. 15.

¹⁹ Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate // Phoenix. 1971. № 25. P. 145-150.

²⁰ См. т.ж.: Dig. III. 3. 51 pr. Кроме того, Уэйнриб отмечает, что в высказывании «*defendere est eandem vicem quam reus subire*» статус *defensor* вообще не определяется. Джеффри Татум (Tatum W.J. The Patrician Tribune: Publius Clodius Pulcher. Chapel Hill, London, 1999. P. 275, n. 97) добавляет: если принять вывод Шэклтона Бэйли, то магистраты с империем а fortiori тоже должны были быть перечислены в перечне «непригодных» *defensores* у Павла, поскольку они не могли быть ответчиками (однако их в списке нет).

ленные Павлом категории лиц, не признававшихся *idonei defensores*, не могли бы также выступать и в качестве *rei*, отсюда не следовало бы то, что они не могли быть *rei* по любым другим, кроме *causae liberales*, делам в рамках гражданского процесса.

Следует согласиться с Уэйнрибом в том, что наличие у десигнатов иммунитета от преследования в рамках гражданского процесса по всем обвинениям должно было быть зафиксировано в упомянутом выше списке Ульпиана, перечисляющего тех, кто не могли быть объектами *in ius vocatio* (Dig. II. 4. 2)²¹. Здесь перед нами текст, составленный с целью перечислить именно тех, кто не мог быть вызван в суд, но среди таковых десигнатов нет. Включены только действующие магистраты. Причина их помещения в данный список, по мнению Уэйнриба, состояла в наличии у них империя и *coercitio*, которых не было у десигнатов²². Здесь уместно, на наш взгляд, добавить, что даже если десигнаты обладали империем или другими магистратскими прерогативами «в скрытом (неактивном) виде», это означало бы по-прежнему, что фактически они этих прав еще не имели, так как не могли ими воспользоваться на практике. Поэтому совершенно логично то, что десигнатов нет в перечне Ульпиана. Детализированность списка Ульпиана и его целевая направленность позволяют заключить, что десигнаты могли быть вызваны в суд.

Дигесты содержат еще один пассаж, где в самом общем виде говорится о возможности вызова в суд магистратов (Dig. XLVII. 10. 32)²³. Как верно подметил Уэйнриб, показателен уже сам факт того, что требующим пояснения автор пассажа (снова Ульпиан) посчитал возможность привлечения к ответственности действующих магистратов, а не десигнатов. Более того, различие есть даже между самими магистратами: вызову в суд высших магистратов препятствует наличие империя (его можно применить в свою защиту). Десигнаты же не могли воспользоваться империем.

В комментарии нуждается еще один важный тезис Уэйнриба: если некоторые магистраты (такие как квесторы и эдилы) могли быть вызваны в суд в период исполнения магистратуры (см., напр.: Gell. N.A. XIII. 13; Dig. XVIII. 6. 4), то *a fortiori* не было общего для всех десигнатов иммунитета от вызова в суд²⁴. Само по себе это умозаключение нам кажется верным: действительно, в любом случае нельзя говорить о существовании судебного иммунитета у всех десигнатов. Логично, что если действующие квесторы могли быть вызваны в суд, то и квесторы-десигнаты тоже. Однако это еще не означает, что не обладали защитой, например, консулы-десигнаты. Следовательно, вывод об отсутствии у последних такой защиты должен подкрепляться иными аргументами, например, конкретными эпизодами привлечения к суду консулов-десигнатов (о чем речь пойдет ниже). Тем не менее, общий вывод Уэйнриба можно принять.

²¹ «Ульпиан в 5-й книге “Комментариев к эдикту”. Не следует вызывать в суд ни консула, ни префекта, ни претора, ни проконсула, ни других магистратов, которые обладают империем, могут на кого-либо налагать наказание и приказывать заключить в тюрьму; ни понтифика, пока он совершает жертвоприношение; ни тех, кто из-за святости места не могут его покинуть, а также того, кто по государственному делу проезжает мимо на общественном коне. Кроме того, не следует вызывать в суд ни того, кто женится, ни ту, которая выходит замуж, ни судью, пока он расследует дело, ни того, кто излагает дело перед претором, ни того, кто организовывает похороны близких или совершает над умершим положенные обряды» («*In ius vocari non oportet neque consulem neque praefectum neque praetorem neque proconsulem neque ceteros magistratus, qui imperium habent, qui et coercere aliquem possunt et iubere in carcerem duci: nec pontificem dum sacra facit: nec eos qui propter loci religionem inde se movere non possunt: sed nec eum qui equo publico in causa publica transvehatur. Praeterea in ius vocari non debet qui uxorem ducat aut eam quae nubat: nec iudicem dum de re cognoscat: nec eum dum quis apud praetorem causam agit: neque funus ducentem familiare iustave mortuo facientem*»).

²² Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate... P. 145-147.

²³ «Также магистратам не разрешено совершать что-либо противозаконное. Итак, если магистрат что-либо сделал через правонарушение, как в качестве будто бы частного лица, так и с использованием положения должностного лица, он может быть обвинен в правонарушении. Но может ли это быть сделано только после того, как он оставит магистратуру, или тогда, когда он еще ее исполняет? Более верно то, что, если он является магистратом, который не может быть законно вызван в суд, следует ждать до тех пор, пока он не откажется от должности. Если же он из числа младших магистратов, т.е. тех, которые не имеют империя или (высшей) власти, то он может быть вызван в суд непосредственно в период исполнения магистратуры» («*Nec magistratibus licet aliquid iniuriöse facere. Si quid igitur per iniuriam fecerit magistratus vel quasi privatus vel fiducia magistratus, iniuriarum potest conveniri. Sed utrum posito magistratu an vero et quamdiu est in magistratu? Sed verius est, si is magistratus est qui sine fraude in ius vocari non potest, expectandum esse quoad magistratu abeat. Quod et si ex minoribus magistratibus erit id est qui sine imperio aut potestate sunt magistratus et in ipso magistratu posse eos conveniri*»).

²⁴ Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate... P. 148. Таким же путем исследователь рассуждает о возможности обвинения действующих квесторов в одном из постоянных уголовных судов: *quaestio de sicariis* (Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate... P. 149-150; см.: Dio Cass. LVI. 24. 7). К этому мы можем добавить показания источников об обвинении Публия Клодия, бывшего квестором-десигнатом, de incestu: Asc. 52-53C; Cic. Att. I. 13. 3; Schol. Bob. 26 Hildebrandt (см. об этом: Tatum W.J. Op. cit. P. 74-75, 275, n. 97).

Убедительно показав возможность обвинения десигнатов в рамках гражданского процесса, Уэйнриб переходит к вопросу о *quaestiones*. Действительно, если, например, из общей формулировки Дигест следует, что десигнаты не числились в ряду тех, кто не мог быть объектом *in ius vocatio*, это еще не говорит о том, что они могли быть осуждены в рамках уголовного процесса. Что касается последнего, не вызывает сомнений то, что десигнаты преследовались по делам *de ambitu*. Уэйнриб, однако, делает попытку доказать, что это не единственное обвинение, по которому избранные магистраты могли быть привлечены к суду.

Исследователь ссылается, прежде всего, на *lex Acilia repetundarum* (8-9): «О тех, в отношении кого суд не будет проводиться, пока они будут исполнять магистратуру или обладать империем. Диктатор, консул, претор, начальник конницы, <...> Этим законом не устанавливается, что суд не может проводиться в отношении того из них, кто откажется от магистратуры или империя»²⁵. Уэйнриб обращает внимание на то, что в тексте закона к «*habebunt*» не добавляется «*habiturae sunt*» (т.е. вновь нет никаких указаний о запрете преследования десигнатов). Однако до конца нельзя быть уверенным в этом из-за того, что не сохранилась концовка той строки, где находится слово «*habebunt*», и начало следующей²⁶.

Более перспективным в плане доказательства возможности привлечения десигнатов к суду не только по обвинению *de ambitu* кажется текст Аскония (тоже упомянутый Уэйнрибом), из которого прямо следует, что защита от обвинения *de repetundarum* приобреталась тогда, когда магистрат вступал в должность, а не с того момента, как его избрали (Asc. 19C): «Поэтому они боялись, как бы Скавр за те деньги, которые он отнял у союзников, не приобрел консульство (как ранее поступил его отец) и не вступил в должность до того, как по поводу него мог бы быть вынесен приговор»²⁷. Здесь идет речь именно о консульстве, а, например, не о квестуре. На наш взгляд, этот момент крайне важно подчеркнуть, так как пассаж позволяет сделать вывод о том, что избранный в консулы не обладал судебным иммунитетом, даже несмотря на то, что действовавший консул им, безусловно, пользовался.

Сам Уэйнриб посчитал вполне достаточным недвусмысленное указание Аскония на вступление в должность как на момент, после которого возникала защита от судебного преследования²⁸. Однако в позднейшей литературе можно встретить иной подход. Автор изданного в середине 80-х гг. XX в. подробного комментария к сочинениям Аскония Брюс Маршалл, которому дискуссия Шэклтона Бэйли и Уэйнриба знакома, констатирует, что если бы выборы для Скавра оказались успешными, он, став консулом-десигнатом, получил бы иммунитет от судебного преследования (кроме обвинения в противозаконном ведении предвыборной кампании)²⁹. Маршалл, таким образом, следует здесь концепции Шэклтона Бэйли, хотя не объясняет, почему предпочел данное мнение. Таким образом, либо он по какой-то причине проигнорировал аргументацию Уэйнриба, либо, что вероятнее, посчитал ее не убедительной. Так или иначе, это заставляет нас внимательнее проанализировать свидетельство Аскония.

Для аргументации своей позиции Маршалл делает ссылку на Цицерона. Тот в одном из писем к Аттику пишет (Cic. Att. IV. 15. 9): «Наконец, готовлюсь выступать за Друза, а потом за Скавра. Будут у речей славные названия. Возможно, консулы-десигнаты тоже обратятся. Если в их числе не будет Скавра, то на этом суде у него возникнут серьезные проблемы»³⁰. По нашему мнению, вряд ли на основании этого пассажа можно предположить, что попадание в число десигнатов избавило бы Скавра от обвинения. Скорее избрание в консулы сделало бы защиту проще, но не спасло бы от суда³¹.

²⁵ «De heisce, dum mag(istratum) aut inperium habebunt, iudicium non fiet. Dic(tator), co(n)s(ul), pr(a)tor, mag(ister) eq(uitum), <...> [Quei eorum e]x eo mag(istratu) inperioe abierit, quo min[us] de eo iudicium fiat, e(ius) h(ace) l(ege) n(ihilum) r(ogatur)».

²⁶ Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate... P. 149.

²⁷ «<...> timere ergo se ne Scaurus ea pecunia quam a sociis abstulisset emeret consulatum et, sicut pater eius fecisset, ante quam de eo iudicari posset, magistratum iniret <...>». О техническом выражении *magistratum inire*, обозначававшем именно вступление в должность, см.: Hartmann O.R. Der römische Kalender. Leipzig, 1882. S. 250-251; Herzog E. Geschichte und System der Römischen Staatsverfassung. Bd. I. Leipzig, 1884. S. 673-675.

²⁸ Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate... P. 149.

²⁹ Marshall B.A. A historical Commentary on Asconius. Columbia, 1985. P. 124.

³⁰ «Deinde me expedio ad Drusum, inde ad Scaurum. Parantur orationibus indices gloriosi. Fortasse accedent etiam consules designati. In quibus si Scaurus non fuerit, in hoc iudicio valde laborabit».

³¹ Ср.: Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate... P. 149, n. 8. Вывод о том, что для получения иммунитета необходимо было вступление в должность консула, а не просто избрание, т.е. статус консула-десигната, можно обнаружить также, например, в книге Вольфганга Кункеля (Kunkel W. Op. cit. S. 256, A. 17a),

В пользу такой интерпретации может свидетельствовать, на наш взгляд, еще одно обстоятельство. Асконий сообщает, что обвинители во главе с П. Валерием Триарием так и не отправились на Сардинию и Корсику для сбора свидетельств против ответчика, объяснив это тем, что не хотели терять 30 дней ввиду приближавшихся консульских выборов (Asc. 18–19C). Скавр для участия в них вернулся в Рим 29 июня (Asc. 18C). Консульские выборы, которые должны были пройти примерно в течение следующей недели-двух, постоянно откладывались и состоялись только в следующем, 53 г. до н.э.³² Тем не менее, на момент, когда обвинители отказались от того, чтобы ехать за сбором доказательств, т.е. на сессии суда 6 июля, никто не предполагал, что выборы будут перенесены почти на целый год. Таким образом, если бы обвинители опасались не вступления Скавра в должность консула, а уже самого его избрания в консулы, то наличие или отсутствие задержки в 30 дней никак не повлияло бы на ситуацию: обвинители с большой долей вероятности в любом случае не успевали до выборов довести суд до конца. Тем более, что могущественные и многочисленные союзники Скавра (в его защиту, помимо Цицерона, выступало еще пятеро известнейших ораторов, что необычно много, см.: Asc. 20C), конечно, смогли бы успешно вести даже уже начавшийся процесс так, чтобы он не был завершен до выборов. И действительно, фактически суд над Скавром завершился только в сентябре (Cic. Att. IV. 17. 4). Но если задержка в 30 дней, несмотря на то, что и с ней, и даже без нее суд вряд ли бы завершился до выборов (будь они проведены в обычные сроки – летом), все-таки имела такое принципиальное значение для обвинителей, о каком пишет Асконий, то это дополнительный аргумент в пользу того, что именно вступление в должность, а не избрание в консулы, давало бы Скавру иммунитет от обвинения *de repetundarum*. Если до вступления в должность оставалось бы после избрания порядка пяти месяцев, то тогда наличие дополнительной 30-дневной задержки вполне могло оказаться принципиальным, учитывая, что в распоряжении влиятельных заступников обвиняемого и без того были многочисленные возможности затянуть суд (о них можно получить представление хотя бы на примере известного дела Верреса).

Но чем же, в таком случае, объяснить указание Аскония на то, что обвинители торопились именно в связи с приближавшимися выборами? Как представляется, они могли стремиться не столько к тому, чтобы Скавр был признан виновным, сколько к тому, чтобы просто инициировать против него судебный процесс. Зачем? Сами обвинители объясняли отказ от 30-дневного расследования нежеланием допускать растрату Скавром выведенных им из провинции средств на «покупку» консульства (Asc. 19C). По мнению Джеффри Льюиса, действительная цель обвинителей состояла в том, чтобы, начав этот процесс, не допустить успеха Скавра на выборах или снизить его шансы³³. Действительно, Цицерон прямо говорит именно об этом: «Но вся эта стремительность и поспешность, то, что ты отказался от расследования, положил конец всему предыдущему процессу, сделало очевидным и ясным (это, однако, и не было секретом) то, что этот суд был устроен не ради правосудия, а из-за консульских комиций»³⁴. Таким образом, не избрание угрожало суду, а суд – избранию. Между прочим, хотя Скавр был оправдан (Asc. 28C), он не стал консулом. Может быть, обвинители все-таки достигли своей настоящей цели³⁵? Отказавшись от 30-дневного расследования, они успели начать процесс до выборов, что не только могло, но и, вероятно, действительно повлияло на их результаты: Скавр, хотя его шансы первоначально оценивались как весьма высокие, не стал консулом³⁶. Так или иначе,

в монографии Эриха Груена (Gruen E.S. *The Last Generation of the Roman Republic*. Berkeley, Los Angeles, London, 1974. P. 333, n. 108) и в недавней статье Франсиско Пина Поло (Pina Polo F. *The Political Role of the Consules Designati at Rome* // *Historia*. 2013. № 62. P. 445-446). Однако все три исследователя не останавливаются подробно на аргументации этого тезиса.

³² Squires S. *Notes* // *Asconius. Commentaries on Five Speeches of Cicero* / Ed. and transl. by S. Squires. Bristol, Wauconda, 2006. P. 148; Lewis R.G. *Commentary* // *Asconius. Commentaries on Speeches by Cicero* / Ed. and transl. by R.G. Lewis. Oxford, 2006. P. 218.

³³ Lewis R.G. *Op. cit.* P. 218.

³⁴ Scaur. 30: «Sed omnis ista celeritas ac festinatio, quod inquisitionem, quod priorem actionem totam sustulisti, illud patefecit et inlustravit quod occultum tamen non erat, non esse hoc iudicium iudici, sed comitiorum consularium causa comparatum». См. тж. Scaur. 31-37. Ср.: Gruen 1974, 333.

³⁵ Как, вероятно, добились ее и те, кто выступал в защиту Скавра, заинтересованные в его оправдании, а не в самом по себе избрании его консулом, см. об этом: Gruen E.S. *Op. cit.* P. 333-337.

³⁶ См. об этом Gruen E.S. *Op. cit.* P. 332.

аргументация в пользу такого прочтения эпизода со Скавром, безусловно, должна оцениваться с учетом существования других доводов в пользу отсутствия у десигнатов, включая консулов-десигнатов, иммунитета от преследования в уголовных судах (по меньшей мере – в *quaestio de ambitu*)³⁷.

Ответа Шэклтона Бэйли на последний упомянутый материал Уэйнриба, насколько нам известно, уже не последовало. На наш взгляд, выводы Уэйнриба, хотя и нуждаются в корректировках, в целом убедительны. Они важны, однако, не только сами по себе. Если *designati* не пользовались судебным иммунитетом (как в гражданском, так и в уголовном процессах) в объеме большем, чем другие *privati*, то предположение о том, что в этом отношении десигнаты по своему положению приближались к магистратам, неверно. Следовательно, с данной точки зрения *designati* формально оставались в полном смысле *privati*. Гражданская и уголовная ответственность десигнатов была идентичной таковой у других частных лиц и, соответственно, принципиально отличалась от ответственности действующих магистратов. Сформулированный в таком виде, этот вывод может оказаться важным для исследования статуса *designatus* с точки зрения того, какими политическими полномочиями магистратов, возможно, обладали его носители. Так, например, уже в свете сказанного о возможности судебного преследования консулов-десигнатов крайне проблематичным выглядит довольно распространенный в историографии тезис о том, что они, подобно действующим магистратам, могли воспользоваться *ius edicendi*³⁸.

THE PROSECUTION OF MAGISTRATUS DESIGNATI: ON THE ISSUE OF THE LEGAL STATUS OF MAGISTRATES-ELECT IN THE ROMAN REPUBLIC

R.M. FROLOV

*P.G. Demidov Yaroslavl
State University*

e-mail: FrolovRM@yandex.ru

This paper attempts to determine whether magistrates-elect (*magistratus designati*) in ancient Rome had immunity from prosecution. The author argues that *designate* did not enjoy immunity in cases when incumbent magistrates did so. Therefore, in that respect, magistrates-elect can be regarded as *privati*. This conclusion may prove to be of importance for understanding the position of *designate* in terms of investigating the magisterial powers they might have had. This issue is important to study the legal aspects of the history of the Roman Republic.

Key words: ancient Rome, immunity from prosecution, *magistratus*, *magistratus designati*, *privati*.

³⁷ Уэйнриб (Weinrib E.J. The Prosecution of Magistrates-Designate... P. 149) предполагает, что *designati* могли быть вызваны и в *quaestio de adulteriis*. Так, в «Дигестах» уточняется процедура в случае обвинения магистрата *de adulteriis*, но совсем не упоминается десигнат, статус которого, следовательно, даже не требовал специальных процедурных оговорок в случае преследования по данному обвинению (Dig. XLVIII. 5. 39. 10).

³⁸ См., напр.: Pina Polo F. Op. cit. P. 441-444, 451.